

Жанна
Лебедева
ВЕДЬМИНО
ЗОЛОТО

Жанна Лебедева

Ведьмино золото

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70374751
SelfPub; 2024*

Аннотация

Как выжить юной ведьме в диких землях, кишящих чудищами и нежитью? Все очень просто! Нужно подружиться с древним монстром, разгадать тайну волшебного медальона, а еще отправиться в полное опасностей приключение вместе с загадочным личем, у которого доброе сердце и темное прошлое. И собственное прошлое надо бы вспомнить... Или лучше не вспоминать?

Содержание

ГЛАВА 1. АМУЛЕТ	4
ГЛАВА 2. БЫЛОЕ	39
ГЛАВА 3. БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЭНОЛЫ	67
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Жанна Лебедева

Ведьмино золото

ГЛАВА 1. АМУЛЕТ

Среди раскуроченных могил бесновались мертвяки.

Их было около десятка, неупокоенных. Может, больше. В эту короткую ночь, близкую к великому празднику Солнцестояния, что-то тревожило их и злило. Скрюченные пальцы царапали надгробия, выдирали из земли столбики деревянных могильных оградок. Гнилые зубы впивались во все, что попадалось на пути...

Жители деревни дружно как один собрались перед старым погостом. Их взгляды, полные ужаса и отчаяния, были устремлены на линию защитного круга, неровный свет которой с каждой минутой истончался и слабел все заметнее.

– Пройдут. Как пить дать, пройдут сегодня, – дрожащим голосом объявил сельский староста и беспомощно оглянулся на односельчан. Потом спросил у внучки, стоящей рядом: – Что, Имушка, милая, делать будем? Неужто не получится больше защитный круг поддерживать?

Девушка опустила рыжеволосую голову и ответила устало:

– Нет, дедушка, сегодня, кажется, не получится.

Она показала старику ладони, на которых едва тлели ис-

кры почти полностью истраченной магии. Тогда староста обернулся и через головы собравшихся людей обратился к стоящему поодаль человеку в черном скрывающем лицо капюшоне.

– Может, поможешь? Это твое призвание все-таки. Некромант ты или нет?

– Не призвание, а работа, – отозвался человек. – Три золотых.

– У-у-у-у, сволочь жадная, – тихо прорычала себе под нос рыжая девушка, отправив в адрес некроманта полный ненависти взгляд.

– Где это видано, чтобы за обычный упокой на сельском погосте с добрых людей такие деньжищи сдирали? – возмутился здоровый и лохматый как медведь кузнец Олаф.

– Ну, раз для вас это обычное дело, так и справляйтесь сами.

Черная фигура повернулась спиной и двинулась в темноту.

– Тьфу на тебя, – плюнула вслед некроманту внучка старосты. – Эх, дедушка! Пока замертво не упаду, круг защитный из последних сил держать буду!

Она присела возле светящейся на земле полосы, положила на нее ладони, закрыла глаза. Бледный свет стал ярче лишь на миг, после чего замерцал и потух. Последние искры магии стремительно умирали.

Почувяв, что путь к живым почти открыт, мертвяки засто-

нали, завыли – все разом двинулись к оцепеневшим селянам. По рядам людей пронесся ропот, но надо отдать им должное, отступать или сбегать они не стали. Что толку? Некуда бежать. Эти мертвецы, злобные и ловкие, все равно настигнут – хоть в лесу, хоть в домах. От смерти уже не уйти.

Никому.

Вскинув рогатины, вилы, дубины, крестьяне приготовились встретить озверевшую нежить.

Староста взгляделся в обескровленные ужасом лица односельчан и снова отчаянно позвал в темноту:

– Эй, некромант! Вернись! Заплатим мы тебе, слово даю. Все карманы вывернем, наскребем... Только помоги.

Черная фигура вновь выступила из мрака, застыла у кромки освещенной факелами земли.

– Три золотых, – настойчиво повторил глухой голос.

Вытянулась из-под полы плаща рука, запястье блеснуло вороненой сталью доспеха. Ладонь, затянута черной кожей перчатки, раскрылась, требуя плату.

– После! После заплатим! – чуть не плача, взмолился староста. – Дай три дня сроку. Завтра ярмарка в Перекрестье. Продадим там, что можем, – рассчитаемся.

– В долг не работаю, – равнодушно произнес некромант.

– Значит, с процентом тебе отдадим. Поработай в долг, будь человеком! – поддержал старосту Олаф.

– Человеком... – Голос под черным капюшоном будто дрогнул.

А может, это просто земля дрожала, раздираемая изнутри яростью рвущих ее мертвых созданий. Новая и новая нежить выбиралась из могил.

Когда из-под гнета камней и почвы освободились все – около тридцати общим числом, – мертвые неровным строем подошли к краю защитного круга. Магическая линия уже не светилась, но сила, наполнявшая ее, еще не ушла до конца – мертвякам нужно было подождать. Совсем немного.

И броситься на добычу...

...но не удалось.

Быстро и бесшумно к ним приблизился некромант. Он вынул из-за спины меч. Удивительный клинок тускло блестел в свете пламени, открывались на гранях витиеватые клейма. Не менее странная рукоять была от совершенно другого оружия, но неведомая сила намертво сомкнула ее с тяжелым, округлым на конце лезвием.

Все ждали, что некромант начнет колдовать, а он не стал. Взмахнул своим оружием, и началось. Мертвяки завизжали истошно и дико, сперва собрались атаковать, а потом, будто сообразив нечто важное, одним им ведомое, бросились врассыпную. В глазах тех из них, у кого все еще были глаза, отразился ужас.

Человек в плаще не позволил им убежать далеко.

Клинок со свистом рассек воздух, и первый мертвяк, ударом разваленный на две стороны, с шипением повалился на колья ближайшей оградки. А дальше пошло-поехало!

Некромант работал, как косарь на покосе, методично, спокойно, даже монотонно. Меч летал из стороны в сторону, словно маятник. Нежить опадала вокруг черной фигуры кучами гнилых кусков плоти. Некромант не упокаивал, он уничтожал и сокрушал мертвых, перебивая им хребты в районе шеи, чтобы встать больше никогда не смогли.

А еще он действовал избирательно – выискивал в мертвой своре лишь определенных...

В суматохе селяне не придали этому значения, только внучка старосты, Има, внимание обратила и про себя отметила. С перебитыми шеями ложились только те мертвяки, на которых куски проржавевших, рваных кольчуг блестели матово в ярких отсветах странного некромантова меча...

Наконец все закончилось.

Остатки двенадцати поверженных мертвых тел в пожелтой траве изошли тьмою, выпуская к небесам едкие ленты вонючего тощего дыма. Остальные трусливо расползлись по могилам и закопались в них обратно, как кроты, оставив наверху рыхлые кучки взрытой земли.

Лишь двенадцать особенных дымились, пока от расколотых надвое грудин, от смятых, перекошенных черепов, от откинутых на десятки метров ног и рук не остались на земле лишь черные влажные пятна.

– Вот и все, – некромант повернулся к селянам. – Буду ждать свою плату три дня на старых развалинах.

– А что, если не заплатим? – дерзко бросил Олаф.

– Плохо вам, людям, тогда будет, – спокойно ответил некромант, и все поняли, что вопрос кузнеца был излишним.

На том и разошлись.

Некромант в свою сторону. Селяне в свою. По тонкой дорожке к бедному сельцу о двадцати избах, с мастерской для починки плугов и телег, со старой кузней, увязшей в кустах бузины, и развалившейся церковью.

Тишина, павшая на округу с приходом мертвых, отступила. Долетел от жилья звонкий лай собак, разлился мелодичным эхом по долине.

В дороге селяне немного отошли от пережитого, развеселились, начали обсуждать ночное противостояние.

Има недоумевала:

– Дедушка, почему некромант не колдовал? Он же маг? Ему же положено?

– Да, действительно странно, – согласилась шедшая справа от девушки Лайма-охотница. – И меч у него странный какой-то... Все ведь видели?

– Видели-видели, – дружно закивали идущие рядом. – На клинке клейма с какими-то чудищами, а рукоять такая, какой ни у кого из окрестных вояк отродясь не бывало. И сам он, некромант этот, очень подозрительный.

– И все-таки, почему он не колдовал? – не унималась Има. – У меня вот за три ночи, что до этой мы у погоста стояли, силы все утекли. А ему и не понадобилось. Или он, что же? Магию берег?

– Может, и берег, – пожал сутулыми плечами дед. – Зачем ему магия, ежели он всех мертвяков как траву покосил?

Има ничего больше не сказала, лишь губу прикусила задумчиво и, сунув руку за пазуху, принялась теревить висящий на шее кулончик. Она всегда так делала, когда размышляла. Пальцы огладили узоры на гранях металлического диска.

– Дед, а чем мы ему заплатим?

– Лошадь на ярмарке продадим.

Староста замолчал – не хотелось продолжать разговор. Его внучка тоже замолкла, гоняя в голове одну единственную, пугающую мысль: «Последнее ведь отдадим. А как же мы дальше-то? Без средств... Без лошади... Нельзя».

Заметив, что дед ушел вперед, заговорившись с Олафом и Лаймой, Има незаметно отстала и отступила в тень. Потом, когда вся группа селян протекла мимо в свете качающегося на верхушках длинных факелов огня, тихо вернулась на тропу и пошла назад к погосту и мимо, выше на холм, туда, где за старой дубравой возвышались развалины богатого дома. Те самые, в которых обосновался некромант.

***

В землях мрачного Пограничья никто не ведал его имени. Он и сам своего истинного имени не знал, не помнил, а посему откликался на новое, данное еще в рядах армии гроз-

ного Мортелунда – Моа. Но для большинства нанимавших его людей он был просто лич – мертвый колдун с темным прошлым.

Станным прошлым. Ведь никто обычно не покидал Мортелунд по собственной воле, а Моа покинул. И мало того, что покинул, так еще и против своих же выступать потом сподобился. Пошел на нежить охотиться, хоть и сам нежитью был...

И теперь, сидя в полуразваленном главном зале давно заброшенной и разоренной дворянской усадьбы, он ждал свою заслуженную плату. Он мог долго так сидеть – неподвижно, без всякого звука.

Мертвому не нужно шевелить затекшее тело или шуметь дыханием. Можно бесконечно слушать шелест листьев старого дуба, глядящего сквозь дыру в разрушенной крыше. Улавливать едкий запах крошечных мышеподобных животных, устроивших под половицами гнезда, внимать их тихим песням: вот сейчас запели детенышам своим колыбельные, а утром станут приветствовать рассвет...

Моа мог просидеть так три дня, не меняя позы, покрываясь чуть заметным налетом невесомой пыли, но покой его быстро растревожили. Кто-то топотал на крыльце перед сбитой с одной петли покосившейся дверью. Топотал-топотал, да рухнул вниз сквозь ломкие, размоченные дождями в труху доски. Выругался. Заскребся, выбираясь из-под обломков. Голос был женский, знакомый.

– Чего надо? – спросил Моа.

– Оплату принесла. Одну монету. – Девушка, та самая, рыжая, что колдовала на погосте, отряхиваясь и хромая, проковыляла в зал. Сняв с шеи круглый амулет на толстом шнуре, нехотя протянула его некроманту. – И это еще вдобавок. Пойдет? Пусть не деньги, но тоже золото.

Моа взял блестящий узорчатый диск, взгляделся в него внимательно. Его единственная бровь, скрытая от гостыи капюшоном, удивленно приподнялась.

– Это не золото, а особый металл, что рождается из мертвой плоти, сокрытой в земле. Откуда у тебя такая вещь?

– Моя, – девушка быстро выдернула амулет из некромантовой руки. – Всегда при мне была, сколько себя помню.

Моа откинулся на спинку кресла, в котором сидел, и капюшон соскользнул по волосам назад, за спину, приоткрывая лицо. Има разглядела его. Ахнув, попятилась.

– Так ты сам нежить! Не живой колдун, а мертвый – лич.

Внешний вид Моа не оставлял места иллюзиям: белые волосы, бледная кожа, мутный взгляд с алой искрой на дне зрачка, вместо половины лица – голый череп с пустой глазницей и выставленными наружу зубами. С живым точно не спутаешь. Для того и капюшон.

– Ну лич, – не стал спорить Моа. – Что же теперь поделать? А одной монеты мало. И амулет твой я не возьму. Не нравится он мне.

Девушка осмелела, нахмурилась.

– Экий ты привередливый. На хоть это. – Она сунула ему в руку золотой, кулон свой обратно на грудь прибрала, сокрушаясь. – И чем не понравился-то?

– Во-первых, я только деньгами оплату беру. Золотыми королевскими райсами. – Лич покрутил звонкую монету в пальцах, приложил к лицу, и она утонула в черной дыре пустой глазницы. – У меня у самого долг, возврат которого в магическом договоре прописан. Сумму большую отдать надо, вот и коплю, и если в срок свои райсы за работу не беру, то они из накопленного сами собой вычитаются.

– Так ты и сам должник, вот как... – грустно протянула Има. – А амулет...

– А амулет твой как-то с поднявшимися мертвецами связан. Я, когда их бил, такие же узоры на доспехах у них разглядел. Эти самые «узорчатые» всю бучу и подняли. Откуда они на вашем сельском кладбище взялись? Целый отряд чужестранцев-воинов?

– Откуда ж мне знать? – пожала плечами Има. – У деда спрашивать надо.

Моа хотел ей что-то на это сказать, но вдруг натянулся тетивой, насторожился, прислушался чутко к накрывшей развалины тишине. Потом резко дернулся и схватился за лицо, за пустой глаз... Когда руку отнял, из глазницы, плеснув черной жижей, выпала отданная Имой монета. Оставив грязный след, прокатилась по половицам и заиграла, кружась, у ног прежней хозяйки. Та подняла деньгу, обтерев о подол, суну-

ла в карман, поинтересовалась:

– Обрато отдаешь? Чего так?

– Монета сама вернулась, потому как мертвые ваши не упокоились, – прозвучало в ответ. – Воротились.

– Вот досада! – выругалась Има, оборачиваясь лицом ко входу.

Туда, дергаясь и корчась, уже сунул с улицы рожу знакомый «узорчатый» мертвяк. Заметив девушку, оскалился, заворчал, обернулся, призывая остальных. Здесь добыча!

Он не успел полностью протиснуться в проход, лич среагировал стремительно. Как молния обрушился на ворчащего гостя и снес ему голову.

– Как это так? – спросила у него остолбеневшая Има. – Они же черным дымом в небо ушли? Все же видели?

– Ушли, – согласился Моа, поджидая лезущего следующим неуспокоенного. – Но вернулись. Видать, заклятие на них какое-то особенное. Сильное. Если они из дыма назад собрались, из пепла вновь проросли...

Меч рассек воздух, покатилаь по полу очередная хрипящая голова, замазала текущей из среза жижей полустертый узор на деревянных половицах. И тут же, поскользываясь в этой грязной луже, повалили в зал остальные мертвяки.

– Все вернулись! Вот ведь... – разочарованно выкрикнула Има, пятясь к осыпавшемуся зеву камина.

Моа в это время пытался отеснить наступающую нежить. Косая дверь слетела с единственной петли и с грохотом рух-

нула на обломки разрушенного Имой крыльца. Неупокоенные дружно рвались вперед.

Пока трое напирала на лича, еще трое шустро, слишком шустро и дружно для безмозглой низшей нежити, прошмыгнули мимо и разбежались в разные стороны. Надо отдать должное, остатки их гнилых мозгов соображали неплохо: нужно было держаться подальше от опасного противника и друг от друга, чтобы выбрав одну цель, лич непременно упустил бы другую.

Хотя бы на несколько мгновений. Им хватит.

Пока самый здоровый мертвяк, что при жизни, наверное, был настоящим богатырем, обходил Моа с тыла, самый быстрый и ловкий нацелился на Иму. Разгадав его намерения, девушка прижалась спиной к обломкам каминной решетки, судорожно зашарила рукой в поисках хоть какого-то оружия. Под пальцы попалась кочерга. Схватив ее, Има со всего размаха ударила врага по голове. Раздался омерзительный хруст, на пол брызнуло гнойной слизью, с застрявшими в ней кусками костей и мозгов.

подавив рвотный позыв, девушка предупредила своего спутника:

– Лич! Сзади!

Он услышал – как раз дорубил на части самого настойчивого из своих врагов.

Того здоровенного неупокоенного, что планировал напасть со спины, Моа привычным движением развалил на две

ровные половины.

Остался последний мертвяк – безглазый, с развороченной грудиной и разорванным до самых ушей ртом. Оскалившись во все зубы, он кинулся на девушку. Та вскинула кочергу, но тут же выронила, болезненно схватившись за скрывающую грудь ткань холщевой рубахи.

– Отбивайся! Не стой! – рявкнул Моа, понимая, что может не успеть добраться до неупокоенного вовремя.

– Жжется! Больно... Жжется... – корчась от боли, прошипела в ответ Има.

Впав в какое-то необъяснимое оцепенение, она застыла на месте, согнулась пополам. Когда же мертвяк, целясь ей в шею, раззявил свою пастищу, девушка, не видя, наверное, ничего, наугад ткнула ему в зубы кулаком...

Брызнула кровь. Гнилая, черная – подоспевший лич снес безглазому мертвому полкорпуса одним ударом; и алая, живая – из прокушенной ладони Имы. Капли упали на пол, собрались в темную лужу, и голодные половицы старого дома жадно впитали ее.

– Что с тобой? Эй! – Моа тронул девушку за плечо. – Эй! Очнись. Твоя рука повреждена.

– Что? – вяло отозвалась Има, поднимая на лича мутные глаза.

– Да что с тобой такое? Приди уже в себя.

– Тяжело... дышать... – раздалось в ответ хрипло. – Мой амулет. Он стал горячим и таким тяжелым...

– Сними его. Быстро!

От резкого окрика Има немного пришла в себя и, стянув с шеи свой кулон, швырнула на пол. Узоры на блестящей поверхности диска сияли холодным мертвенным светом. Расходилась от граней тонкими нитями бледный туман. Стекал сквозь щели в полу куда-то к самым корням древнего дома, ниже подвала, глубже фундамента.

Во тьму...

... И что-то шевелилось там, принимая туман как зов.

– Они за ним пришли? За амулетом? – догадалась Има.

– Да, похоже. – Лич задумчиво склонил голову и чутко прислушался к звукам, идущим снизу.

Маленькие мышеподобные существа, духи старинного дома, больше не пели. Они молчали, в ужасе забиваясь в самые дальние отроги своих подпольных нор. Было там нечто, в глубине земли, что пугало их до дрожи, до ломоты в крошечных костях, до безумия...

И оно уже стремилось к месту боя.

– Что это? – воскликнула девушка, обнаружив, что половицы под ногами выгибаются горбами и ходят ходуном.

– Осторожно! Уходим.

Моа потянул Иму за рукав в сторону двери, но они не успели выбраться наружу, пол по всему периметру зала провалился. Лич и девушка рухнули в раскрывшийся зев темной дыры на какие-то холодные, пахнущие плесенью камни.

Моа первым поднялся на ноги, закинул голову, всмотрел-

ся в блеклый прямоугольник проваленного пола. Луна, глядящая в дырявую крышу зала, и прежде давала мало света, а теперь, похоже, вовсе скрылась. Еще и подвал, как назло, был очень глубок – ни выпрыгнуть из него, ни выкарабкаться. И темнотища сгустилась вокруг такая, что не разглядеть ничего.

– Ай! – Рядом села Има, потирая отбитый зад, быстро зажгла на не раненой ладони искорку магического пламени. – Лич, моего огня не хватит, чтобы осветить тут все и осмотреться. Зажги свой.

– Нет.

– Ты, как я погляжу, вообще не используешь магию? У тебя с этим какие-то проблемы? – догадалась девушка.

– По ней меня могут отследить те, с кем, поверь, ты бы тоже не захотела сейчас встретиться, – нехотя пояснил Моа.

– Тебя ищут... Понятно, – кивнула Има. – Что же, я сама попробую посветить. Не знаю, надолго ли хватит, – почти все силы на защитный круг ушли...

Тусклое сияние озарило поддомную пустоту. Из непроглядного сырого мрака выступили бесконечные ряды поддерживающих строение каменных опор. Они были выточены из зеленовато-серого камня с красными прожилками, похожими на вены. Дно подвала, слишком глубокого, сделанного явно не по пропорциям надстроенного над ним жилища, было устлано такими же камнями.

Лич приняхался, отовсюду тянуло кровью. Из каждой ка-

менной жилы, из каждой трещины, каждой щели. Разной кровью. Живой и мертвой, недавней и такой древней, что страшно даже представлять, кто и когда эту кровь тут остав- лял.

Над головой, в выси, зажглись глаза пары опоздавших к драке мертвяков. Они глядели через край, недовольно вор- чали, но соваться в подвал не спешили. Наблюдали. Один из них с растерянным видом теребил в руках Имин амулет.

Девушка тоже заметила преследователей, поинтересова- лась:

– Чего это они? И не нападают, и не отстают...

– Ждут чего-то, – отозвался лич.

Има понизила голос, заговорщицки дернула Моа за край плаща.

– Они будто удивляются, зачем я им амулет отдала. Будто не знают, что теперь дальше-то делать...

– Похоже на то.

Лич кивнул. Протянул руку, помогая девушке подняться. Когда отпустил, на его собственной, скрытой перчаткой, ла- дони остался влажный след от Иминой раны. Свежая, живая кровь размазалась по черной выдубленной коже...

– Ай. – Има встряхнула рукой, подула на укус. – Надо об- работать скорее, а то, глядишь, и руку потом оттяпают, если зараза по крови далеко разойдется.

– Прижги магией.

– Так ведь света тогда не будет!

– Его и так скоро не будет, тем более, если от раны вдруг ослабеешь.

– Не ослабею. Меня ведь кусали уже мертвяки. Чай не первую ночь в дозоре стояла. Кроме меня ведь в селе круги никто не рисует – не маги. А я магичу чуть-чуть, вот и нужная всем везде. Пока чертила там, на погосте, меня уже пару раз укусили. Один раз мертвяк прямо из-под меня вылез – так ловко ход прокопал. И цапнул.

Моа взглянул задумчиво на ее руку. На безымянном пальце у Имы недоставало двух фаланг.

– Это тоже мертвяк отъел?

– Нет, это давнее, – донеслось в ответ. Разросся во мраке магический огонек, изошел жаром, лизнул хищно Имину рану. В воздухе запахло паленой кожей – неприятный, тревожащий запах. – Вот и все... В темноте сидим.

– Сидеть не станем – выход искать пойдем, – ободрил спутницу лич. – Я дорогу разберу.

Как всякий мертвый, Моа не чурался темноты. Даже из самых скудных крупиц света, что есть практически в любом мраке, он мог собрать худо-бедно различимую картинку и ориентироваться благодаря ей. Больше, чем на глаза, он полагался на чутье и слух, на движения воздуха, производимые вездесущим сквозняком.

В этот раз воздух шел из глубины поддомья. Заходил под землю далеко от того места, где стояли они с Имой, но точно снаружи, со свежести. И пусть быстро налипали поверх него

затхлые подземельные смрады, все равно в основе своей был этот ветерок чистым и живым.

Лич взял спутницу за руку – она-то во тьме не видит, – и повел вдоль воздушного течения вперед, к скрытому лабиринтом подземных закоулков далекому выходу.

– Ох, смотри, что это... – вдруг удивленно выдохнула Има.

Моа тоже заметил – не заметить было трудно. Клейма на его клинке начали светиться холодным, фосфорическим светом. Они не рассеивали темноту, наоборот, делали ее еще непроглядней и плотнее. Лич насторожился – прежде такого никогда не случалось.

Остановился.

– Впервые такое.

– Интересно, это плохо или хорошо, что твой меч так засветился? – спросила Има.

– Не плохо и не хорошо, – отозвался Моа. – Ново.

Лич не мог объяснить своего спокойствия. Оно рождалось откуда-то из глубин затянутой туманом небытия памяти. Память мертвого – вещь особенная. Она вроде есть, а вроде и нет ее. Она как закрытая запретная книга. Знаешь, что под обложкою много всего, но пока не откроешь, подробностей не выяснишь. И иногда вроде получается мельком листнуть пару страниц, ухватить пару ярких строк, но неведомая сила снова сомкнет переплетные крышки и не даст прочитать предложение до конца...

Моа знал, что свечение клейм не связано с опасностью, несмотря на то, что ответ на вопрос «Почему так?» скрыт плотным ментальным туманом. По поводу меча он не волновался. Здесь, в подвале, имелись и другие поводы для беспокойства. Мертвяки. Те, что пришли за амулетом Имы, хоть и угомонились там, наверху, но, похоже, разбередили местных, спящих в поддомье, прячущихся по закоулкам этого бесконечного подвала. Кто эти «местные» лич догадывался смутно.

Он внюхивался и вслушивался в темноту, решив, что полагаться на скудное зрение в этом лесу из каменных колонн – не самая лучшая затея. Пару раз он отвлекался на неожиданные шевеления. Оба раза это оказывались терзаемые сквозняком обрывки какого-то тряпья. Пахло пылью, древесным гниением, сыростью камня, снова кровью...

...но вскоре, опережая звуки, пришел новый запах.

Отчетливый, едкий, раздражающий смрад чужой нежити. Моа остановился. Его напряжение тут же уловила спутница и поинтересовалась тихо:

– Мертвые рядом, да?

– Да, – ответил лич. – Странные. Собаками пахнут.

– Ой! Это же знаешь кто? – страшным голосом прошептала Има. – Сам Проклятый Герцог.

– Какой еще герцог? – недоверчиво уточнил Моа. – И почему он псиной воняет?

– У-у-у-у, да ты не знаешь, – многозначительно протяну-

ла Има. – Это же легенда наша местная! Проклятый Герцог. Ух, и жуткий! Я на портрете видела. Картина раньше там, над камином висела, а потом делась куда-то – то ли украли, то ли сожгли. Говорят, жил он тут, в доме, и весь окрестный народ в страхе держал. Разъезжал по округе на огромной лошади со сворой кровожадных псов – все боялись. А когда помер – так селяне, прямо, разом от облегчения и выдохнули. В склепе его погребли. Говорят, в одном саркофаге с его верными собаками – так уж он их любил. И сокровищами до самой крышечки досыпали. Сельские искали те сокровища, но ни склепа, ни саркофага так в округе и не нашли...

– Тогда понятно, – невозмутимо хмыкнул Моа, – почему псиной воняет.

Словно в ответ на его слова раздался из глубины подполий надрывный, хриплый вой.

– Точно герцогова свора, – обреченно вздохнула девушка. – Они самые.

– Сколько у него собак? – уточнил Моа, задвигая Иму себе за спину так, чтобы она оказалась между ним и ближайшей колонной, максимально закрытая от врагов в этой неприветливой темноте.

– На портрете две было. Ох, и здоровые, сволочи! Мастифы королевские...

Метрах в пятидесяти от лица и девушки тишина прорвалась дробным цокотом когтей по камням. Кто-то незримый тяжелой рысью безошибочно двигался в их направлении. На

расстоянии метров двадцати костяное клещанье на миг прекратилось. Звонко капнула на камни влага – пущенная из гнилостной пасти слюна. Потом тишину подземелья огласило утробное булькающее рычание. И снова зацокали когти. Аллур – быстрая рысь. Быстрее...

Быстрее!

Огромный разъяренный зверь поднялся в галоп.

Мысли крутились в голове Моа. Королевский мастиф... Килограммов сто пятьдесят в таком будет! Прямым ударом с разбега он расшибет свои жертвы в лепешку. Если не самого Моа, то Иму точно. Нужно подправить этой твари траекторию, пока она не впилилась в них на всем ходу...

Стремительным движением вырвавшись навстречу врагу, лич с размаху ударил мечом туда, где звякали когти передних лап и, присев для устойчивости на одно колено, толкнул врага в бок плечом, заставляя отвернуть в сторону. Где-то за спиной, там, где осталась Има, раздались тихий вскрик и шорох осыпающегося песка... Слабые звуки мгновенно утонули в свирепом рыке подрубленного монстра. Падая, чудовищный зверь огрызнулся, разверзлась во всю ширь смердящая пасть. Моа увернулся от клыков, но лицо, костяную сторону, остро царапнули какие-то тонкие иглы. Видимо, шипы песьего ошейника.

Бросив врага трепыхаться на камнях, Моа отступал назад, позвал спутницу:

– Эй! Ты в порядке? Ты тут?

Ответа не было.

Лич прислушался. Возле колонны, где оставалась Има, едва слышно осыпался песок, шуршал по крутым каменным граням. Пригляделся. Темнее тьмы там зияла дыра.

Несколько здоровенных булыжников, застилающих пол, мягко ушли вниз, съехали в зев открывшейся ямы по текущему песку. С ними пропала и Има.

Моа принюхался. Свежей кровью из дыры не тянуло. Сквозняк оттуда шел особенный, живой. Своей едва ощутимой вибрацией он, словно рябь на воде, разносил по округе чье-то дыхание. Верно, Имино... Только вот двоилось оно как-то странно, будто дышали два существа, а не одно.

Выходит, Има жива!

Пока что.

За колоннами прокатился рев второго мастифа. Следом за голосом пришла волна смрада. Новое чудище сохранилось значительно хуже предыдущего. Гниль пожирала его, заставляя распадаться на ходу – Моа отчетливо слышал, как с влажным, чавкающим звуком приземляются на камни отваливающиеся от костей куски тухлого мяса. Как, принюхиваясь к добыче, вбирают воздух песьи ноздри.

– Иди сюда, давай! – позвал лич.

Чудовище громогласно рыкнуло в ответ и побежало к нему. Приблизилось оно молниеносно, по-медвежьки вскинулось на дыбы, собираясь нанести удар всем корпусом.

Зверюга слишком быстро подскочила вплотную и не да-

ла мечу размаха. Клинок чавкнул, завяз в трупной слизи, не достав до хребта твари. Мاستиф навалился на Моа, желая уронить его и добраться зубами до горла, но не так-то это было просто. Одной рукой лич выдрал из песьей шеи свой меч, второй – ухватил зверя за глотку и отшвырнул в сторону. Рубанул наотмашь в полете, выпуская из гнилого брюха зловонные внутренности. После этого, пока ревуший от ярости враг, поскальзываясь, силился устоять на собственных потрохах, размахнулся, как следует, и сокрушительным ударом снес чудищу голову. Воя и рыча, песья башка укатилась за колонны, оставив бьющееся тело валяться у ног Моа.

– Има! – снова позвал лич.

Лишь едва слышный шорох песка был ответом.

***

Има упала не больно. Боком на песок.

Он был мягок, этот песок, и все сыпался, сыпался откуда-то с высоты. Его монотонное тихое шуршание успокаивало, хоть время для спокойствия пока и не подошло – Има одна, в непроглядном мраке, на неизведанном уровне набитого злобной нежитью подземелья. Ниже подполья! Там, где, похоже, сам Герцог никогда не бывал...

Девушка пошарила руками вокруг себя. Вот свалившиеся вместе с ней через дыру булыжники, дальше все песок, песок... Воздух, на удивление не спертый, резво тянется в про-

ем над головой. Има встала, вытянула руки вверх, силясь нащупать потолок, но его не было. Упала она, видимо, с большой высоты. Теперь старым путем не выбраться, надо новый искать.

Для начала девушка затаилась на время и прислушалась к собственным ощущениям, внешним и внутренним. Наделенные магическим даром люди часто чувствуют присутствие мертвых, в особенности, если ни на что, кроме чутья, больше не положишься. Несколько минут Има пыталась уловить приметы присутствия нежити, но здесь, в подземелье подземелья, неупокоенных пока не обнаружилось. Правда, они могли пробраться сюда с верхнего яруса следом за Имой, поэтому девушка пошла вперед, ориентируясь на течение сквозняка.

Через несколько сотен шагов она различила мягкое журчание воды. Ветерок, по всей видимости, тянулся оттуда. Има обрадовалась. Подземные воды часто выходят на поверхность. Сразу вспомнился гротик на противоположной стороне холма с Герцоговым домом. Оттуда выбивалась, чтобы поискриться на солнечном свете, холодная подземная вода. Гротик был совсем маленький, но при желании Има смогла бы там протиснуться...

Вытянув в стороны руки, девушка слепо побрела вперед. Через пару десятков шагов споткнулась обо что-то и хлопнулась носом в песок. Правую ногу стягивали путы. Има пошарила и обнаружила цепь, в кольцо которой вступила. Хо-

тела распутаться, потянула, и вдруг кто-то доселе неслышимый и неоощущаемый отчетливо произнес:

– Ай, госпожа... Осторожнее.

– Кто здесь? – Има чуть на месте не подпрыгнула, вперилась невидящими глазами в темноту, попыталась зажечь магическую искру, но вместо света появился лишь тусклый шипучий уголек, тут же утекший дымом под своды подземелья.

– Это я, госпожа, не бойтесь, – дружелюбно отозвался кто-то.

Има напрягла магическое чутье так, что в висках зазвенело. Нет. Рядом была не нежить. И не морок. И не призрак. Вроде бы кто-то и впрямь живой... Ребенок? Голосок-то мягонький, детский. И десятка лет возрасту такому голосишке не дашь, но... что здесь делать ребенку?

– Чего тут делаешь? – последовал немедленный вопрос.

– Меня, госпожа, с позволения сказать, спрятали здесь от любопытных глаз. Меня украли, чтобы потом продать, – прозвучало в ответ стыдливо и грустно.

– Ох ты, бедолага... – неуверенно протянула Има и предусмотрительно отступила от «бедолагы» на шаг.

По всему надо было немедленно подойти, осмотреть несчастное похищенное дитя, но в груди волной поднималась тревога. Что-то было не так. Неправильно... Има не могла заставить себя приблизиться к застывшему во тьме комку неизвестности. Поэтому, собрав в кулак остатки храб-

рости, предложила:

– Давай мне ручку, и пойдем отсюда. Попробуем вместе выход искать.

– Ах, госпожа... – Тьма вздохнула в ответ трагически глухо. – У меня, к сожалению, больше нет ручек. Были бы, как прежде, не пришлось бы тут так долго сидеть. Проклятый карабин, что пристегнут к кольцу в стене, не получается разомкнуть. Вы сможете это сделать, госпожа? У вас ведь ручки еще остались...

Има молча подняла с пола цепь и пошла, перебирая ее, в противоположную от голоса сторону. Вскоре она наткнулась на столб, к которому было приделано кольцо. Вслепую повертев застежку карабина, довольно сложную и для того, у кого все конечности в наличии, девушка разомкнула ее, наконец, сообщая:

– Готово.

Тут же цепь потекла из ладоней – создание на ее конце опробовало полученную свободу.

– Спасибо, госпожа. Пойдемте к дыре, в которую вы упали. Я помогу вам подняться назад, – прозвучала благодарность.

– А что, другой дороги отсюда нету? – уточнила Има немного разочарованно.

– Другого пути я не знаю, – эхом отозвалась темнота.

– А по ручью?

– Там, где ручей идет наружу, ход слишком узкий. Лисица,

и та проберется с трудом.

– Ладно, – смирилась Има. Лезть обратно в страшный подвал полный мертвых чудовищ не очень-то хотелось, но пришлось. Вернувшись к дыре и встав под ней, девушка поинтересовалась: – Ты, что же, посадить меня хоче... Ой!

В зад уперлось что-то жесткое, костяное, и Иму подкинули наверх. На взлете она только и успела, что подумать – это точно никакой не ребенок! Такая силища и у взрослого вряд ли будет... У человека...

Теряя равновесие, девушка неуклюже оперлась ладонью о что-то, толкающее ее снизу. Руку обволокла слизистая влага, запястье обдало горячим выдохом, а пальцы в судорожном поиске опоры сжали нечто острое, коническое...

Кажется, это был чей-то рот.

И чей-то зуб.

Има не успела как следует испугаться – сверху, из-за края дыры крепкие руки подцепили ее за загривок и, рывком выдернув с нижнего яруса, не слишком аккуратно приземлили на камни среднего.

– Это ты, лич? – тарашась во мрак, спросила девушка.

– Я, – знакомый голос прозвучал обнадеживающе спокойно.

– Ты цел?

– Цел.

– А собаки?

– Нет.

– Ну и тьма с ними, – облегченно выдохнула Има.

– Точно, – согласился лич, спросил: – Ты с кем там внизу говорила?

– Не знаю, – честно ответила Има. – Я думала, это ребенок. Голосок у него был жалобный, тоненький и добрый.

– Чего там делать ребенку?

– Сказал, что похищен кем-то для продажи. Заложник, или типа того...

– Если б я мельком силуэт внизу не заметил, согласился бы с такой версией, – поделился сомнениями Моа. – Но то, что я успел разглядеть – огромное, не мертвое, пахнет не по-человечьи и не по-звериному. Я бы сказал, вообще ничем особенным не пахнет. Так что там точно не ребенок.

– Я уж и сама поняла, – призналась девушка, после чего добавила шепотом. – У этой штуки зубищи в мою ладонь длиной и пасть огромная. А силища! Она меня как пушинку вверх подкинула...

– Странно все это, – отозвался Моа. – Монстры и чудища обычно ощущаются яснее. Их дух ни с чем не спутаешь, а эта твоя зверюга неприметная. Будто ненастоящая.

– Ну не могла же она нам двоим привидеться? – задумалась Има.

– Не могла, – с уверенностью поддержал ее лич.

***

Они долго шли в темноте.

Наконец за лесом колонн обнаружился тупик.

– Что там? – спросила Има.

– Двери, – ответил Моа, обследуя на ощупь стальные скобы.

Засовы, прежде убранные в них, изломанные валялись на полу под ногами. Эти двери, поставленные, чтобы сдерживать кого-то, находящегося по ту сторону, уже давно не выполняли свою задачу. Все, кто желал выйти, давно вышли из-за них...

– Это, наверное, склеп Герцога и есть, – предположила девушка.

– И хорошо. С ним тоже нужно разобраться.

Моа толкнул дверь ногой и тут же зажмурил единственный глаз. Все открывшееся пространство наполнилось светом. Его рождали пушистые комья белесого мха, торчащие из трещин в стенах. После непроглядной темноты даже это тусклое свечение показалось ослепляющим.

Когда глаза немного привыкли к свету, лич и его спутница вошли в небольшой зал с захоронением в центре. Огромная плита, расколота надвое, должна была закрывать саркофаг, но теперь одна ее половина съехала на сторону, а вторая и вовсе валялась поодаль, разломанная на мелкие части. В дальнем темном конце помещения находилась винтовая лестница. Закручиваясь тугой спиралью, она врезалась в скрытый

мраком потолок. Там светящийся мох не рос.

Има привстала на носки, чтобы не подходить слишком близко, и заглянула через край саркофага.

– Пусто, – сообщила разочарованно. – Ни Герцога, ни со-
кровищ.

– Тут твой Герцог, не переживай, – успокоил ее Моа. Он прислушался чутко и огляделся по сторонам. – Где-то совсем рядом. Вон там.

Има тоже уже поняла, где. С потолка посыпалась земля. Зашаталась старинная лестница. В тишине громом грянули шаги. Бум-бум-бум – по ступеням. И от каждого такого шага, как волны, эхо прыгает по подземелью, затихая за дальними колоннами...

– Медленно идет, – заметила Има, предусмотрительно отступая от саркофага.

– Не покупайся на его неспешность. Просто не торопитесь никуда, он ведь хозяин в этом подвале, – предупредил лич.

Моа оказался прав. Спустя секунду склеп огласился яростным криком, в котором едва ли можно было опознать голос человека. Лестница дрогнула, и с высоты, с невидимых верхних ступеней, в центр склепа спрыгнул огромный мертвяк. Он поднялся во весь свой почти двухметровый рост и двинулся на незваных гостей. Его лицо было промято и изорвано, видимо, упавшим в саркофаг острым осколком плиты. Ключья грязно-желтых волос мотались из стороны в сторону. Остатки раздавленного носа трепетали, затягивая за-

пах разрушителей спокойствия. То, что осталось от одежды, – все старомодное, по краям обгнившее, но дорогое, – выдавало в явившемся неуспокоенном полноправного хозяина этого места.

– Точно, Герцог! – громко выдала Има, скорее восхищенно, чем испуганно.

– Вижу, – согласился Моа. – А выход, похоже, за его спиной. Думаю, эта лестница ведет наружу. – Он поднял меч и уложил клинком на плечо, поджидая врага. – Спрячься куда-нибудь и не высовывайся, – посоветовал Име.

– Куда же тут спрятаться? – в недоумении уточнила Има. – Тут ни одного угла...

– Когда мертвяк ко мне вплотную приблизится, уйди от него за саркоф...

Герцог напал в ту же секунду, не дав личу договорить последнее слово. В руках неуспокоенного гиганта блеснул клинок, неподобающе изящный, с изогнутой в крюки гардой и витиеватой «корзиной» на эфесе. Когда его сияющая сталь сомкнулась со сталью меча Моа, под ноги противникам посыпались искры. Две тени, рожденные бледным светом мха, раскинулись по сторонам и снова сошлись.

От ударов мечей звенело в ушах. Мертвяк теснил Моа к дальней стене. Не успокоился, пока не прижал к ней. Тут же несколько камней выпало из кладки наружу. Из образовавшейся дыры, покрытая слизью с налипшими на нее моховыми ключьями, высунулась мертвая конская голова и, свирепо

захрипев, впилась зубами личу в плечо. Доспех не прокусила, но задержала руку, ослабив удар. Оружие Моа скользнуло по чужой стали, съехало под гарду вражеского клинка. Герцог только того и ждал. Поворотом кисти завел лезвие меча Моа под один из образующих гарду крюков, заблокировав намертво.

Тут Има подросла. С размаху огрела неупокоенного по спине куском плиты с острым сколом. Целилась в голову, но не достала, слишком высок был враг. Герцог среагировал молниеносно. Свободной рукой отшвырнул девушку в сторону, как котенка. Моа был прав, когда предупреждал, как обманчива неспешность мертвяка-тяжеловеса...

Личу хватило этой короткой заминки, чтобы высвободить свой меч и оттолкнуть врага ногой. Свободной рукой он ударил по гнилой конской морде. Тяжелый кулак в перчатке с металлической вставкой раскрошил хрупкий костяной нос, осыпал под ноги желтые зубы.

Яркие клейма хищно сверкнули, клинок Моа со свистом рассек воздух. Высокий звук продолжился хрустом вспарываемой кожи. По корпусу Герцога от горла до паха пролегла полоса, тут же изошла потеками, а потом брюхо мертвяка прорвалось, выпуская наружу звонкий поток монет. Сверкая гранями, они раскатились по склепу. Мертвяк же, отдав свой клад победителям, рухнул вниз лицом, и черная маслянистая кровь растеклась из-под него, отражая белый моховой свет...

Сделав новый стремительный замах, Моа, не теряя времени, перебил поверженному противнику хребет. Мертвая лошадь с разможенной мордой сдавленно захрипела и обмякла, вывесив голову из дыры в стене. Отправилась следом за своим владельцем.

– Ох... – застонала Има, садясь и потирая ушибленную голову.

– Ты в порядке? – Лич приблизился к ней и подал руку, помогая подняться.

– Терпимо. – Има встала на ноги, огляделась. Все вокруг было засыпано деньгами. – Ну и жаднящий этот Герцог, оказывается. Так боялся за свои сокровища, что все сожрал. – Она потерла ладонью висок, убирая проступившую из-под волос кровь. – Поделим деньги?

– Дай мне три золотых райса в счет оплаты, – ответил Моа, – а остальное забирай себе.

– Ладно, – пожала плечами Има.

Монеты вокруг лежали самые разные, со всех концов света. Большая их часть не ходила в Пограничье и соседних с ним местностях. И если золотые еще можно было переплавить, то насчет остальных приходилось лишь разочарованно вздыхать. Королевских райсов обнаружилось всего семь. Три из них девушка передала личу, и они чудесным образом исчезли в его бездонной глазнице.

Пронаблюдав загадочное действие, Има не удержалась от

вопроса.

– Можно спросить у тебя кое-что обидное?

– Спрашивай, – невозмутимо отозвался Моа.

– Ты свои деньги тем же способом, что и Герцог, хранишь?

– Хочешь знать, посыплются ли они наружу, если вспороть мне брюхо? – прозвучал встречный вопрос.

– Ну... Не то чтобы... – замялась Има.

– Нет, – развеял ее сомнения собеседник. – Моя глазница работает, как портал. Деньги не лежат в моей голове. Они хранятся в совершенно другом месте.

– Интересно, а если я влезу в твой глаз, то тоже там окажусь?

– Не думаю, – помотал головой Моа. – Портал только для денег. Да и вряд ли ты пролезла бы в мою глазницу.

– Пожалуй, что да, – рассмеялась Има.

Лич смотрел на нее с интересом. Странно она себя вела. Совершенно не боялась происходящего. Будто все идет, как нужно. Любой из людей Пограничья, нанимавших его прежде, в подобной ситуации испытывал бы тревогу и страх. И это правильно! Живые должны страшиться мертвых, а Има почему-то не страшилась. Опасалась, но не более, чем любую иную живую угрозу, наподобие разбойников или хищных зверей. Никакого присущего большинству людей благоговейного ужаса перед неупокоенными...

– Надо выбираться отсюда. – Моа первым шагнул на ступени лестницы, поднялся на пару оборотов, пристально

вглядываясь во мрак. Потом вернулся, сообщая: – Там выход хорошо землей засыпан. Придется копать. Бери меч Герцога, поможешь мне...

ГЛАВА 2. БЫЛОЕ

– Лич, а лич, а как тебя зовут? – спросила Има, пока они вместе спускались с холма.

– Моа.

Погост внизу еще купался в лунном свете, и длинные тени протягивались от могил. А на востоке уже зрела заря, выпускала из-за горизонта первые лиловые всполохи, касалась ими крыш притихшего сельца. Чтобы вернуться назад, пришлось обогнуть холм по кругу. Окружной тропы не было. Девушка и лич шли по колено в траве. Сбитая утренняя роса оседала на их одежде сотнями влажных звезд, инкрустировала слезливыми бриллиантами рукоять трофейного меча, блестела искрами в волосах, рыжих и белых.

– Можно спросить тебя еще кое о чем? – Има остановилась, перехватила поудобнее завернутый в обрывок ткани клинок Герцога, который несла, зажав подмышкой, заглянула своему спутнику в лицо.

– Спрашивай, – отозвался тот.

– Ты ведь из Мортелунда? Почему оттуда ушел? А главное, как?

Лич помолчал некоторое время, раздумывая, как ответить доходчивее, чтобы не возникло дальнейших вопросов. Он никогда не был мастером красивых слов, поэтому ответил просто:

– Взял и ушел. Не хотел быть рабом.

– И теперь тебя ищут, да?

– Да.

Он посмотрел на спутницу, всем видом намекая, что не желает продолжать начавшийся разговор. Има поняла, пояснив напоследок свой интерес:

– Я вижу, что ты не хочешь говорить о прошлом, но если они – те, кто охотится за тобой, – придут к нам, я им ничего не расскажу. Можешь в этом на меня положиться. И за остальных селян не переживай – если придется, я их зачарую, чтобы молчали.

– Спасибо, – прозвучало в ответ.

– Кстати, этот меч... Могу я оставить его себе?

– Конечно, бери. Он твой.

– Мой... – улыбнулась Има, и тут же погрузилась. – Вот только обращаться с ним я совершенно не умею. Покажешь пару приемов?

– Давай, – согласился Моа. Он сбросил со спины ножны и плащ, чтобы яснее читались движения. Замер перед девушкой, привычно уложив свой клинок на плечо. – Нападай, чего ждешь?

Има неуверенно вытянула перед собой руку.

– И как это лучше сделать?

– Смотри. – Моа снял свое оружие с плеча, повертел его концом перед носом девушки. – Мой меч старый и простой, он создан для того, чтобы без особых премудростей разру-

бать врага на куски. На конце он округл – таким не уколешь. А твой, новый, острый и замысловатый. В нем есть все необходимое, чтобы облегчить фехтовальщику жизнь: обоюдо-острый клинок, чтобы рубить и резать, острие, чтобы колоть, корзина, чтобы сохранить в целости пальцы и эти хитрые крюки на гарде, чтобы блокировать врага. Если не ошибаюсь, такие клинки зовутся сьявонами, и они почти совершенны. Выкованные из лучшего металла, способные разрубать старую сталь. Так что, как ни начни бой, преимуществ у тебя хватает.

– Ого! – восхитилась Има. – Что же, он и твой меч разрубит?

– Мой меч особый, – отрицательно помотал головой лич. – Его вряд ли получится. Ну чего стоишь? Попробуй нанести удар.

Косясь на Моа, девушка аккуратно стукнула по его клинку своим. Мелодичный звон полетел по долине эхом к далекому синему лесу.

– По мне бей, не по мечу, – посоветовал лич, успокоив ученицу. – Не бойся. Не попадешь. А если и попадешь, то ничего страшного не случится. Я мертвый, так что можешь ни в чем себе не отказывать.

– Ну ладно. – Има пожал плечами, несколько раз прокрутила оружие кистью – движение вышло уверенное, наработанное. – Давай попробуем.

На мгновение она прикрыла глаза, будто вспоминая что-

то, потом распахнула их широко, – взгляд стал каким-то мутным, отрешенным, – и атаковала так стремительно, что Моа от неожиданности отступил на несколько шагов. Скъявона в руках Имы засверкала в лучах восходящего солнца. Каскад движений, напоминающих танец, совершенно точно не походил на импровизацию новичка. Все это было заучено, зазубрено до мельчайших деталей, где роль играет все – от угла разворотов стоп до наклона корпуса.

Лич озадаченно прищурил единственный глаз. Все эти филигранные, затейливые выпады вряд ли встречались ему на полях сражений, там обычно не до эстетики, не до танцев. Скорее, подобное могло применяться в поединках высшей знати. Все эти фигуры расписывали в своих учебниках модные придворные мастера. И Моа мог сказать с уверенностью, что Иму учили по подобным книгам. Их картинки она и копирует теперь. А вот в реальном бою внучка сельского старосты вряд ли успела побывать...

– Стоп, хватит! – Лич отбил очередной красивый выпад и, опустив свой меч, поинтересовался. – Кто тебя этому научил?

– Чего? Меня? Научил... – Взгляд Имы прояснился. Она в недоумении уставилась на оружие в своей руке. Сообразив, что что-то пошло не так, отбросила меч в траву. – Что сейчас произошло? Я будто отключилась на время...

– Выяснилось, что фехтованию тебя уже обучали раньше.

– Раньше... – Има напряженно сдавила ладонями виски,

глаза ее нервно забегали из стороны в сторону. – Я этого не помню.

– Ты ведь не всю жизнь в селе прожила, так?

– Не всю, – кивнула девушка. – Меня привезли туда со всем малышкой, и дедушка стал меня воспитывать.

– А кем были твои родители? – настойчиво поинтересовался лич.

– Не знаю я, – расстроено протянула Има. – Ничего не помню, кроме жизни в селе. О прошлом со мной никто никогда не говорил. Эта тема всегда была под негласным запретом. Да я и не пыталась ничего разузнать – боялась, что родители окажутся какими-нибудь плохими людьми, разбойниками, пиратами, изгоями. Мне казалось, что благополучные и счастливые семьи не отдают своих детей в чужие руки.

– По-всякому бывает, – задумался Моа. – Придется поговорить по душам с твоим дедом. И насчет амулета тоже. О своем прошлом лучше знать все – так безопаснее.

– Ты прав, конечно, – вздохнула Има, – но мне почему-то страшно заглядывать в прошлое. Вдруг я узнаю что-то гадкое про свою семью? Или про себя? Нечто отвратительное...

Она еще раз вздохнула и, подобрав отброшенный меч, принялась отирать его от росы тканью, которую оторвала от покрывала в Герцоговом саркофаге.

– Страшно? – уточнил лич, пряча в ножны собственный меч. – В подземелье мне показалось, что ты нечасто испытываешь страх.

– Тебе показалось, – ответила девушка. – Знаешь, когда там, на самом дне подвала, я наткнулась на то странное создание с детским голосом, поначалу мне действительно было жутко.

– Но ты ведь не сбежала прочь?

– Некуда было бежать. А еще опыт общения с подобными существами подсказал, что оно вполне безопасно для меня. Мне кажется, это какой-то стародавний неупокоенный, которому нужно было просто завершить свою историю. Я пару раз сталкивалась с подобными. Один раз с солдатом, погибшим в лесу столетие назад. Он сильно пугал наших селян своими воплями. Как выяснилось, звал, чтобы люди пришли и захоронили его. В другой раз мы отыскиали в старом колодце упавшего туда ребенка и отнесли его останки на могилу родителей. Конец пути, воссоединение, покой, понимаешь?

– Понимаю. Я тоже сталкивался с подобными сущностями, и обычно они не нападали. Естественно, все из них, встречных мною, были людьми, но на чудовищ, похоже, это правило тоже распространяется.

– Как бы то ни было, я поверила существу в подземелье. В конце концов, при желании оно могло убить меня до разговора, – резюмировала Има, после чего задумалась и спросила вдруг: – Скажи, Моа, а мертвые вообще умеют врать?

– Умеют.

– Мне казалось, что они всегда честны.

– Смотря какие мертвые. Если обычные мертвяки, то, по-

жалуй, что и не умеют. Вот только они и говорят не всегда. Но есть и иная нежить – коварная, хитрая, пронизательная. Так что, все мертвые разные, как и люди.

Они спустились с холма и прошли через притихший погост. Рассвет уже дотянулся до сломанных оградок, до отваленных могильных камней. Исчезнувшая защитная линия читалась ясно. С одной стороны утоптанная ногами селян земля, с другой все разрыто нежитью. Вот он – рубеж магического круга.

Пахло чабрецом. Он рос тут прежде возле камней и на песчаных крутинах, а теперь, стоптанный и вырванный во время боя, увядал, распуская по округе терпкий аромат.

Моа подошел к свернутым камням и принялся водружать их на прежние места. Има стала помогать. То и дело она закрывала глаза, чтобы нарисовать в памяти четкую картинку бывшего.

– Это туда... А этот сюда ставим, – говорила она и, кряхтя, подседала, упираясь плечом в новый камень.

– Все. – Моа развернул в нужный угол здоровенную гранитную глыбу с красными жилами. Отметил: – Память у тебя, однако, хорошая. Тот, кто заставил тебя забыть прошлое, приложил немало усилий.

***

В комнате было жарко.

Булькала в печи похлебка, а где-то за старым сундуком, на крышке которого резвились под слоем лака кривоватые кентавры, мурлыкала кошка и пищали котятка.

Дед сидел, упираясь кулаками в подбородок, думал. Перед ним исходила паром чашка травяного чая.

Лич замер напротив. Свет падал из окна, выделяя живую часть разделенного надвое лица. Вторую, мертвую, половину удачно скрадывала тень.

– Рассказывайте.

– А что рассказывать-то? Десять лет назад принесли ее, словно спящую принцессу из сказки, заколоченную в дубовом ящике, цепями по рукам и ногам увитую. А на утро все умерли. Двенадцать воинов их было...

– Принесли и ничего не сказали? – нахмурился Моа.

– Молчали они. Хмурые были, будто знали, что новый рассвет уже не встретят. А мы, сельские, и подойти к ним лишний раз страшились. Шутка ли! Двенадцать воинов при полном оружии, с чужими, нездешними символами на броне. Боязно гневить таких.

– А амулет?

– Круглая блямба с узором? На Име был. Сколько раз мы хотели продать его, но все рука не поднималась.

– Отчего те воины умерли? – Моа продолжил свой допрос.

– Не знаю, – пожал тощими плечами старик. – Никаких видимых признаков – ни ран, ни отравления, ни болезни. Они просто закрыли глаза... И все. Мы похоронили их на

сельском погосте, без почестей – где уж нам, беднякам – попростому, зато как своих.

– Почему именно вам Иму оставили? – донесся новый вопрос.

– Не мне, – ответил староста. – Моей жене. Она была местной колдуньей. Солдаты назвали ей какой-то пароль, и она приняла их без разговоров. И девочку оставила. Има – полное имя Имани – проспала в своем ящике целый год...

– Что за пароль? – пропустив последнюю фразу собеседника, насторожился лич.

– Пантера Гизии. – Кивнув личу, староста устало поднялся. – Прошу прощения, но мне надо напоить животных. Продолжим разговор позже...

Забрав деревянное ведро, он вышел через дверь, ведущую с кухни на двор.

– Десять лет назад, значит? Не так уж много... – Моа задумчиво взглянул на Иму, сидящую на высоком стуле возле окна. – Ты говорила, тебя принесли «совсем малышкой»...

– Я так думала, – растерянно развела руками девушка, – а выходит, что была почти подростком. Это так странно! Мне ведь периодически казалось, что я могу вспомнить какие-то эпизоды из жизни здесь, в селе, когда я совсем маленькая... Все это как во сне...

– Это и был сон, Има. Годовой сон после прибытия сюда затуманил твою память и родил ложные воспоминания.

Они оба замолчали.

Каждый думал о своем.

Моа о том, что его собственная судьба не так уж сильно отличается от Иминой. Он тоже не помнил о прошлой жизни почти ничего. Иногда в памяти всплывали какие-то мутные обрывки, но они тут же растворялись в ясных картинах сущего. И в этом сущем была у него прежде лишь война. Бесконечные походы армий Мортелунда, костяные марши нежити, хрипение цепных монстров, рвущих поводки, бряцание доспехов и оружия, жестокие битвы... Личи-колдуны, отдающие приказы мертвякам. Некроманты, отдающие приказы личам. Владыка Мортелунда, восседающий над всеми и вся на Серебряном Троне.

И, как ни странно, будучи винтиком этого отлаженного военного механизма, Моа чувствовал себя спокойно. Он, как и Има, старался не думать о том, что лежит за гранью. Думай, не думай – только голову сломаешь. Все эти предположения, догадки... Толку с них? Прошлое... О нем либо знаешь, либо нет.

Но однажды все нарушилось, и роковой случай превратил Моа из детали военной машины в ее топливо.

Помнится, тогда была ночь. Непроглядная, маслянистая ночь без звезд, какая всегда повисает летом над Мортелундом. Говорят, в такие ночи оба могущественных духа, Куоло и Мятанеминэ, Смерть и Разложение, подходят близко, к самым окнам хищных, островерхих башен Мортелундских замков, и смотрят в них, смотрят... Радуются благополучию

и могуществу своих подопечных.

Вот и Моа в одну из таких ночей неожиданно призвало высшее начальство.

– Что? К Самому тебя пригласили? – Лич по имени Архо стукнул его по плечу и улыбнулся желтыми зубами. – Расскажешь потом про Серебряный Трон? Говорят, он красивый. Вот бы посидеть на таком, а?

– Ага. – Моа кивнул коротко, недоумевая, как полуразложившемуся, поломанному в многочисленных боях, Архо в его-то нынешнем состоянии удастся сохранять подобную жизнерадостность. – Как бы чего не вышло.

– Чего еще? – Боевой товарищ снова показал зубы. Они у него все имелись в наличии! Чем не повод для гордости. – Ты будто обеспокоен? Не стоит. – Архо беззаботно махнул рукой, на которой недоставало пальцев. Перебитая лучевая кость прорывала острым сколом кожу. – Думаю, наградят тебя или повысят. Вспомни последнюю битву у северной границы... – Он на мгновение осекся, поймав взглядом высокую фигуру, грациозно плывущую мимо в сопровождении пары цепных чудищ. – Люсьена! Эй, Люсьена! Пойдешь за меня, когда тысячником стану? У меня, кстати, все зубы на месте. И все глаза.

Мертвая девушка, такая целая, что спутаешь с живой, остановилась и смерила соратника равнодушным взглядом.

– Еще вчера у тебя ни одного глаза не было. И половины зубов. Мои мертвяки жалуются, что у них части тела пропа-

дают – ребра, фаланги, ногти, куски кожи. Один вот сказал, что у него украли...

– Это не я, – не дал ей озвучить позорную подробность Архо.

– Ты. Кроме тебя никто так не умеет. Чужие части тела на свое приращивать. – Мертвая осуждающе покачала головой, потянула за поводки жутких питомцев и неспешно двинулась прочь. – Воровать у своих... Немыслимо, – пробурчала якобы себе под нос, но так, чтобы слышали и окружающие. – Терпеть не могу...

Архо проводил ее разочарованным взглядом. Глаза у него и вправду были разные. И чужие. Как-то неправильно они вписывались в глазницы. Один карий, другой белесо-голубой – несомненно, что от разных владельцев...

Моа наблюдал за товарищами и думал, до чего же сильна тяга к жизни у высшей нежити. Даже сгнивая на ходу, разваливаясь на куски, разлагаясь, они все еще играют в эту бессмысленную игру – пытаются вести себя, как живые люди...

Кому-то даже почти удается, но не ему.

Не Моа.

Зачем изображать эмоции там, где их нет? Зачем пытаться быть тем, кем ты давно не являешься? Зачем, уже лежа на дне, так лихорадочно хвататься за соломинку...

А там, в тронном зале владыки Мортелунда, как бы действительно чего не вышло. Наверняка все из-за странного случая, что произошел во время последней крупной битвы.

Тогда, окруженный целой толпой противников, Моа попал в центр странного силового круга, разошедшегося волной и уничтожившего больше сотни врагов за раз. Странность? Да. А командиры не любят странности. Солдаты владыки, безусловно, должны быть сильны, но не непредсказуемы...

Лича проводили под конвоем в тронный зал и оставили стоять напротив военачальников. Самого на месте не оказалось. Лишь Серебряный Трон, надо сказать, не слишком-то Моа и впечатливший, одиноко стоял под гербом с черепом и червем. Сквозняк шевелил мех на небрежно переброшенной через подлокотник горностаевой накидке.

Перед личем стояли трое. Триада – так их здесь величали. Два главных некроманта и еще один маг. Многие считали его чернокнижником, сам же он звал себя клириком – чтецом священных книг. Клирик волновал Моа менее всего в этой компании.

Другое дело некроманты.

Тот, что слева, второй некромант Ульфред. Его лицо изуродовано так, что его несложно принять за мертвого. В глубоких бороздах старых шрамов читается след от человеческой пятерни. Ульфред – утилизатор. Он может разложить на частицы любую несговорчивую нежить.

Тот, что справа, первый некромант Аки. Говорят, у него чутье, как у волка, и сила, как у медведя. Магия – мощнее только у самого владыки... Но Аки верен своему господину как пес. Звериный зеленый взгляд заставляет отводить глаза

даже самых чудовищных монстров.

Но Моа в ту ночь взгляда не отвел...

...на свою беду.

– Это тот лич? – Голос первого отразился от стен.

– Да, – отозвался Ульфред. – Я видел, как он использовал во время боя странную силу.

– Чей это лич? Кто поднял его?

– Тот, кто привел, уже погиб. Теперь он подчиняется мне.

– Вот оно что, – задумался Аки. – Сильный лич с мутной историей. Чем ты думал, Ульфред, оставляя его? Обычно после гибели некроманта и нежить его гибнет, по большей части. А если остается – значит, что-то пошло неправильно.

– Или просто нежить сильная. Этот лич служит Мортелунду верой и правдой, с ним никогда не возникало проблем, – заступился за Моа второй некромант.

– Необъяснимая сила у подчиненных – всегда проблема. Кто знает, когда и против кого этому личу вздумается применить ее.

– Считаешь, нужно его уничтожить? – уныло поинтересовался Ульфред.

– Конечно. Но сперва следует выяснить подробности. Эй, ты, лич, – Аки обратился к Моа. – Кем ты был прежде? Могучим магом? Наследником древнего колдовского рода? Кем?

– Я не помню, – прозвучал короткий ответ.

– Но ты ведь использовал силу в недавнем бою? Какова ее природа?

– Эта была случайность, – ответил Моа с уверенностью.

– Ульфред, твой командир, не считает это случайностью, да и я, признаться, тоже. – Тяжелый взгляд первого некроманта перетек на сухую фигуру клирика. – Полувий, взгляни-ка на него через свой «ледяной глаз», узнай возможности его силы, можно ли выкачать ее и разлить по боевым артефактам? А потом... – Узловатый палец с острым ногтем красноречиво чиркнул перед горлом. – Думаю, вы меня поняли.

К счастью для Моа, «потом» не успело произойти...

– Знаешь, о чем я тут подумала? – Голос Имы вырвал лича из круговорота воспоминаний. – Хочу пойти с тобой.

– Не лучшая идея.

– Думаешь, я слабая и не справлюсь? Зря ты так. У меня есть магия, и мертвяков с чудищами я не боюсь, – нахмурилась девушка.

– Уверен, что не слабая, – развеял ее сомнения собеседник. – Поэтому ты нужна тут, в своем селе. Кто, кроме тебя, сумеет его защитить?

Има задумалась. Крыть было особо нечем, пришлось согласиться.

– Наверное, ты прав. Но мне все равно жаль, что придется расстаться. Мне показалось, что мы могли бы стать друзьями. Кстати, а у мертвых вообще бывают друзья?

Моа не сразу ответил – сложный вопрос. По собственному опыту, он сказал бы, что бывают. По крайней мере он назвал

бы таковыми, как минимум, Архо и Люсьену. Вот только, что сами Архо с Люсьеной думали на этот счет – неизвестно. И все-таки он говорил за себя, не за них:

– Конечно.

***

Моа ушел в закат.

Сельцо осталось позади, умиротворенное, тихое, убаюканное вечерней зарей. Провожать лича почти никто не вышел. Има стояла дольше всех, опираясь плечом на столб старых въездных ворот. Лицо ее выглядело недовольным и разочарованным – не так она представляла себе конец их общей истории. Что ж, упрямая судьба преподносит желаемое далеко не всегда и не всем.

Миновав уже приевшийся за последние дни погост, лич не стал подниматься к развалинам, а, обогнув их по кривой тропе, пошел через поле к дальней дубраве. Кроны вековых деревьев клубились в натекающих сумерках, подсвеченные красным и похожие на облака.

Тропа нырнула под дубы и запетляла между огромными стволами. За одним из них выступила из молодой поросли какая-то полуразрушенная постройка из белого мрамора, в округлостях которой Моа опознал нечто, похожее на небольшой бассейн с высоким бортом. Внутри бассейна крылся родник и наполнял его, вырываясь из мраморного плена че-

рез позолоченную львиную пасть. Блестящей лентой вода утекала под дубовые корни в небольшой грот.

Поилка для единорога. Такие сооружения Моа и прежде встречал, в подобном же полуразрушенном состоянии. Большая часть единорогов сгинула лет двести назад в Пограничье и соседних с ним местностях. В Мортелунде этих животных и вовсе никогда не водилось. Должно быть, убранный в мрамор ключ был обустроен тут еще при Герцоге. Может, и раньше.

Красивые места...

... а в спину кто-то смотрел. И чувствовалось в этом взгляде что-то свое, родное.

Моа обернулся, приняхался, улавливая застарелый запах тлена. Где-то рядом... Он прошел, раздвигая в стороны молодые дубки и кусты бузины. За ними открылась поляна, на которой горой лежали кости. Пустоглазые олени черепа, сложенные в странную пирамиду. Кто и зачем их тут сложил, оставалось лишь догадываться. Ветер гулял внутри старых костей, рождая тихое подобие музыки. Самый большой череп, венчающий конструкцию, чуть заметно трясся, в глазницах его то и дело зажигались бледные огни. Они то вспыхивали, то гасли, наполненные какой-то необъяснимой силой.

Когда лич приблизился к этой мертвой горе, свечение и звуки прекратились. Костяная куча будто притаилась, а потом из-под нее вырвалась вереница огней и, двигаясь резки-

ми галсами, уткнула за дубовые стволы вверх по склону большого холма, на который уводила дорога.

Моа двинулся следом. Нужно было выяснить, что это такое.

Спустя десяток шагов тропа перестала петлять между деревьями и вывела на старую обзорную площадку. Отсюда, с середины холма, кто-то из влиятельных владельцев этих земель в далеком прошлом наслаждался видами. Под ногами, поросшие очитком и цветными мхами, виднелись куски декоративной плитки. Перед обрывистым склоном, над которым вздымалась площадка, одиноко торчали обломки колонн бывшей балюстрады. Справа от балюстрады, разбитая надвое упавшим деревом, находилась белая ротонда. Когда-то, должно быть, это было величественное сооружение, теперь же две части раскроенного надвое купола валялись, подобно скорлупе разбитого яйца, и дикий клематис оплетал их сетью гибких побегов.

Моа подошел к разрушенному парапету, пристально взгляделся в вечерний пейзаж. Долина, оставшаяся внизу, открывалась отсюда, как на ладони. В поле, которое Моа недавно пересек, трава колыхалась волнами в безветрии. Воздух наполнился странными искрами. Они зажигались, подобно светлячкам, и опадали на землю.

Там, внизу, назревало нечто магическое и грандиозное.

Под ноги капнуло черным. Лич отер ладонью костяную сторону лица. На перчатке остался смоляной след, а потом

туда со звоном осыпались три монеты. Он хмуро посмотрел на них. Опять не все? Да что же там за проклятие такое... На этой девушке. На ее амулете... Моа перевел взгляд на покинутое село, над которым поднималось теперь стеной холодное лиловое зарево.

Спустя миг из этого зарева вырвалась тень и дикими скачками помчалась по долине. Крестьянская лошаденка, перепуганная до безумия, неслась кособоким неровным галопом, унося седока в поле. Следом за лошадью, растянувшись цепью, стремительно двигались двенадцать угловатых силуэтов.

– Опять вы, – Моа разочарованно сплюнул под ноги на-текшую из глазницы в рот черную жижу, убрал золотые в поясную сумку и вытянул из-за спины оружие. – Сколько еще раз мне придется вас рубить?

Ответа не было. Тени продолжали скользить по долине. Было заметно, что, как ни крути, они проигрывают в скорости неказистой лошаденке беглянки. В личности всадницы Моа не сомневался.

Кто еще, кроме Имы?

Сжимая меч, лич быстрым шагом двинулся вниз с холма. Обратно. Он был спокоен – мертвяки не успеют догнать свою жертву прежде, чем она окажется подле него, а там уж другой разговор будет и другой расклад. Придется их снова перекромсать, и пока восстановятся, – а они это точно провернут, – разобраться, в чем дело.

Тем временем лошадь, направленную на тропу в дубраве, скрыли деревья. Звук топота копыт набрал силу. Всадница приближалась. Все ближе.

Ближе...

А потом новый звук родился в наползающем мраке – мерный костяной перезвон, позвякивание пустых твердых предметов. И мелодия – витиеватый, с небрежными перепадами нот, посвист. Он то опадал вниз до густого раскатистого ба-са, то взмывал в высоту, постепенно исчезая из зоны восприятия.

Ровный перестук конского галопа сбился с ритма, завершившись истошным ржанием. Тут же раздался отчаянный гневный крик. Знакомый голос выдал тираду крепких ругательств, закончив ее грохотом падения.

Моя понадобилось несколько секунд, чтобы добраться до места и увидеть всю картину целиком. У края тропы брыкалась и рвалась коренастая, серая в яблоках лошадь. Повод ее, слетевший через голову под ноги, зацепился за склоненную к земле большую ветку. Бейся не бейся, а толстый кожаный ремень так просто не порвешь...

Има стояла тут же, рядом. В руке ее сверкал недавно приобретенный меч. Его острие было обращено к странной твари, что смотрела из подлеска двумя дюжинами светящихся глаз и ухмылялась дюжиной ртов.

Мертвое... Неупокоенное...

По всему эта штука поднялась из той странной «оленьей»

кучи. Черты ее указывали именно на такое происхождение. Только теперь рогатые черепа обрели длинные шеи, сотканые из уплотнившейся до непроглядности тьмы. Большой ком этой самой черноты, служащий основой конструкции, пульсировал и исходил бледными всполохами. Со всех сторон к нему притягивались сохранившиеся в слоях перегноя останки лесных жителей. Летели по воздуху вылизанные ветром, пожелтевшие и замшелые кости кроликов, косулей, оленей, лис, кабанов...

Выпросталась из-под земли здоровенная, в две лопаты шириной, медвежья лапа и тут же, прилипшая к тьме и покорная ей, замахнулась на врагов. Има ловко отскочила, чуть не попав под сокрушительный удар. Промазав по верткой цели, когти взрыли податливую лесную почву, оставив на ней глубокие борозды-шрамы.

Многоголовый монстр остановился. Оленьи морды вытянулись, словно в недоумении, и принялись переглядываться между собой, быстро поворачиваясь из стороны в сторону. В этих нервных, маятниковых движениях не нашлось бы ясного живому человеку смысла. Моа же понял, что составленный из почти сотни разных фрагментов гигантский мертвяк просто не сросся еще до конца, поэтому мешкает.

Заминка дала личу фору, и он, молниеносно приблизившись к противнику, рубанул там, где могучая медвежья лапа – главное оружие неуспокоенного – крепилась к темной основе. Следующим ударом Моа снес чудищу сразу три головы.

Две из них, правда, быстро приросли обратно. Лишь третья, отброшенная дальше остальных, зацепилась рогами за молодой дуб и теперь тряслась на нем мелкой дрожью, яростно челюстями щелкала...

Има, не к месту довольная, подскочила к личу. Оттянув ворот рубашки, продемонстрировала амулет.

– Моа, смотри! Он сам вернулся. Появился на шее, будто и не снимала...

– Понятно. Потом с ним разберемся, сперва надо неупокоенных унять, – отозвался лич, раскалывая мощным ударом самую большую оленью голову.

Разбитая вдребезги, она на место уже не приросла. Но и враг ответил сокрушительным ударом. Медвежья лапа успела восстановить свою боеспособность. Когти-ножи шкрябнули по древнему лезвию и отлетели, не выдержав, срубленные под корень. Таинственная клейменная сталь клинка лича оказалась гораздо прочнее природного звериного оружия... Тут же две оленьих головы в коронах из ветвистых рогов дружно ударили сверху, пожелав прижать Моа к земле, но эта попытка не увенчалась успехом. Разметенные в костяное крошево серией быстрых ударов, они осыпались наземь.

Тоже не восстановились.

Стало ясно, что «составное» лесное чудище уязвимо, и все же с ним было тяжело.

Тем временем, к месту сражения прибыли припозднившиеся «Имины» мертвяки. Явились все двенадцать. Скаля

зубы и тихо ворча, они нацелились на девушку. Моа же, занятый «оленым» монстром, их не сильно волновал.

Первый же мертвяк, что оказался рядом, рухнул на землю. Има присела и в хитром выпадѣ подрубила ему сухожилия на голенях. Следующего противника зашибла на скаку наконец освободившаяся лошадь.

Перепуганная до смерти животное в страхе помчалась вниз с холма, домой, в кажущуюся безопасной конюшню. По пути лягнула еще двух мертвяков. Того, что шел по тропе последним, хотела перепрыгнуть в безумии, но, в силу своих неуместных для лихости крестьянских статей, просто заваляла и стоптала.

Вызванное побегом лошади замешательство позволило Име ударить еще одного врага. Моа же, срубив половину голов костяному страшилищу, отступил от него и, схватив девушку за руку, потянул вверх по склону.

– Отступаем!

И они побежали по тропе вверх. Черный силуэт лича терялся в назревшей тьме. Имина льняная одежда, напротив, будто стала еще заметнее. Ночь была, как в Мортелунде, беззвездная и безлунная. В Пограничье Моа видел такое впервые.

За спиной остался рык мертвяков и обзорная площадка с разбитой ротондой. Тихий свист – заунывное наигрывание ветра в костях оленеголового монстра – отодвинулся вправо. Похоже, чудовище вместе с остальными неупокоенными

двигалось следом за беглецами, но по какой-то причине вынуждено было уйти с тропы.

Лич остановился.

– Оседланный конь, оружие. Ты догадалась, что они вернутся?

– Почувствовала, – призналась Има. – Грудь стало жечь, и шея тяжестью налилась, будто кулон на месте и снова давит... А потом он действительно возник на прежнем месте, прямо из воздуха материализовался.

– Значит, отдельно от тебя он мертвякам не нужен, – сделал досадный вывод Моа. – И, выходит, что дело не в амулете, а в тебе самой.

Лицо Имы погрузнело, уголки губ уныло опали вниз.

– Я догадывалась, что так будет, но все равно, неприятно осознавать, что в нападении мертвяков на село есть моя вина.

– Ты не виновата, – поддержал ее лич. – Ты не выбирала амулет на шею, проклятие настырной нежити и непонятное прошлое.

Девушка согласилась.

– Не выбирала, но теперь придется как-то решать возникшую проблему, а ведь я даже не знаю, что у меня на шее за амулет и что за воины меня принесли. Зачем? Откуда? А главное, чего они хотят теперь? – Тут она вспомнила про три золотых, что отдала Моа. – Что же выходит? Твой бездонный мертвый глаз опять не принял оплату?

– Нет. Вернуть тебе деньги?

– Не нужно... Тс-с-с. Слышишь? – Има вдруг насторожилась, застыла. – Чудовище с рогами отстало от нас. Свист почти не доносится.

И действительно, «олений» монстр больше не шел следом. Напротив, заунывный клич его стремительно отдалялся и утекал куда-то за мягкий перелив холма. Чуткий слух лица уловил между ними и чудищем еще одно шевеление. Кто-то тихо, но основательно переваливал через павшие бревна, рассекал, как корабль волны, гибкую поросль молодых деревьев. Пружинистая лесная почва доносила вибрацию чьей-то отчетливой поступи. Незримый некто, уверенно теснящий многоголовое чудовище от тропы, был велик и, скорее всего, четвероног. Судя по дробной, барабанящей поступи, – такую невозможно скрыть, если, конечно, у тебя не мягкие лапы засадного хищника, – лич готов был поклясться, что загадочный гигант ходит на копытах...

Всколыхнувший дубраву ветер утянул и без того еле слышные звуки на другую сторону холма. И все же Моа успел расслышать чей-то бросок вдали. Мощно ударили в землю копыта, – теперь уж почти без сомнения они, – треснули ветки. Огромный преследователь оленевого монстра больше не таился и пошел в наступление на костяного врага. Интересно, кем он сам был? Живым ли?

Тоже мертвым...

Ветер набрал силу и завыл голодным волком, заскреже-

тал узловатыми ветвями дубов. Шум далекой схватки окончательно смешался с шелестом листвы. Последний, похожий на звук раздавленного глиняного горшка, хлопок истаял во мгле.

И снова где-то рядом зарычали мертвяки.

– Нужно добить их и уйти подальше. Пусть побегают за нами потом, – предложил Моа.

– Нужно, – кивнула Има, прокрутив меч кистью. – Они, как понимаю, там, где пали, обратно и возродятся. Уйдем – догонять нас придется. – Она задумалась на миг. – Моа, а куда мы теперь идем?

– Я знаю только одного человека, способного пролить свет на происхождение твоего амулета и он, а вернее, она, живет на юго-востоке отсюда, в Кутанае.

– Значит, идем в Кутанай! – прозвучал довольный Имин ответ, завершившийся свистом клинка.

Мертвяки нагнали беглецов и напали, разделив их.

Краем глаза заметив девушку, – светлое пятно заплясало между черными колоннами ночных стволов, – лич врубился в пятерых, сбившихся кучей, мертвяков. В несколько ударов разметал их кусками. Развернулся к старому знакомцу здоровяку, поймав себя на мысли, что именно вот так вот работа и осточертевает. Никогда прежде «покос» нежити не виделся ему таким будничным и гнетущим. Таким бесполезным, монотонным и бессмысленным.

А ведь завтра опять придут.

И послезавтра.

И потом...

Когда последний мертвяк истаял, отметившись на земле черной лужей, Има, самолично срубившая двоих врагов, плюхнулась на землю и вытерла со лба пот.

– Фу-ф, надоели! Коней бы достать и оторваться от них хоть на пару дней пути. Какую ночь уже толком не сплю...

Лич взглянул на нее – а ведь точно! Это мертвому регулярный сон не нужен, а живые без него быстро слабеют.

– Поспи сейчас. Ты в темноте медленнее ходишь, чем при свете. Я покараулю. Неупокоенных мы всех перебили, а оленеголовый коли подойдет, издали своими посвистами слышен будет. Да и не вернется он больше, я думаю.

Има привалилась спиной к дереву, положила подле себя меч, закрылась перекрещенными на груди руками.

– Холодно-то как.

– Держи. – Моа скинул плащ и протянул ей.

– Спасибо. – Белозубая улыбка сверкнула в темноте. – Эх, жаль, Браслетик мой убежал... У меня там и одеяло было к седлу... приторочено... и еда... И еще там...

Голос девушки быстро стал тягучим, уютно-сонным. Она так и не договорила про свои утраченные пожитки, заснула без задних ног.

Моа сел рядом и уставился перед собой. Хоть бы пару часов тишины теперь. Можно и больше. Живые – создания хрупкие. По правде, ему самому тоже следовало отдохнуть –

отключиться на время от мира и побыть в состоянии, напоминающем медитацию. Покой необходим мертвым гораздо реже, чем живым, но без него полностью силы не восстановишь.

Все же не стоит расслабляться!

В колыхании далеких ветвей личу чудилось движение того самого неуловимого гиганта, что преследовал оленеголового. Тихие шаги. И даже дыхание медленное-прямедленное. Лёгкие у него должны быть, как кузнечные меха...

Неизвестный неумолимо приближался.

Моа поднялся с земли. Стиснув рукоять меча, прошипел сквозь зубы во мрак:

– Убирайся прочь, или пожалеешь. Предупреждать больше не буду.

Единственный глаз лича алым углем полыхнул в темноте. Кажется, это произвело на невидимку впечатление. Он развернулся и двинулся прочь.

ГЛАВА 3.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЭНОЛЫ

Браслетик нашелся утром.

Приковылял, запутавшись ногой в поводе – хорошо хоть седельные сумки не растерял.

Има обрадовалась, принялась хвалить коня за верность и покладистость. Молодец, не поспоришь! Все сберег, все вернул, сам вернулся, хоть и задумывал убежать восвояси. Вот только со спутанной ногой не вышло. Страшно было идти вниз с холма. Мертвяки-то полбеды. Пахло там и другими существами – одним существом, зубастым и страшным. И сокрытые в лошадиной Браслетовой душе голоса древних предков предостерегали из глубин прошлого – эти зубы раздробили и пережевывали столько лошадиных костей, что и не сосчитать...

Поэтому конь вернулся к Име.

Лич его не особенно пугал. Вроде, человек и человек. Клыков не скалит, напасть не пытается, хозяйку, тоже вот, не трогает. И этого, что с бездонной пастью, прочь отогнал. Браслетик ночью грозный окрик услышал и на него пошел – все людской зов. Рядом с человеком лучше, чем одному. И конский пожиратель, жуть жуткая, тут же утек за холм – испугался! Значит, сильный этот, одноглазый с мечом, хоть

и пахнет могильным холодным духом.

И все же лучше к такому совсем близко не подходить.

Конь покосился на лича, ласково ткнулся мордой в волосы девушке, виновато всхрапнул.

– Ладно, кто бы на твоём месте не испугался? Сбежал и сбежал. Вернулся же? – будто прочла его мысли Има. Она вернула Моа плащ, завернулась в свой, предложила. – Нам бы вторую лошадь добыть.

– Живые кони таких как я обычно не носят, – был ответ.

– Выходит, у вас все кони мертвые? – прозвучал вдогонку закономерный вопрос.

– Да, такие и есть.

Има подумала немного и через пару мгновений просияла.

– На, – всучила Моа повод Браслета. – Пусть привыкает к тебе. Ты ему, вроде, не так уж и страшен, как сам считаешь. А я себе, как выдаться случай, еще одну лошадь куплю. – Как ни странно, задумка девушки удалась. Конь уверенно пошел за личем, будто знал его всю жизнь. – Видишь, не только с мертвым конем столкнуться можно. И живой все поймет, коли ты человек хороший.

– Я не хороший, – эхом отозвался Моа.

Има пожала плечами.

– Я по своим наблюдениям сужу, а по ним ты хороший.

– Обмануться не боишься?

– Боюсь, но что поделать? Хорошие люди, как самородки в золотоносной стремнине, пока не перемоешь гору песка, не

найдешь. А коли не искать, так и жизнь проживешь в сплошном песке, без настоящего золота. Хотя мне вот вроде и жаловаться грех. У деда в селе «золотых» людей немало было.

Моа отметил, с какой грустью девушка произнесла «у деда». Не «у себя»... Неожиданное чувство солидарности родилось в груди: он тоже знает, как это – понимать, что место, к которому привык, вовсе не твой дом. И все же странное ощущение, ведь обычно чувства у мертвых притуплены, а тут... И он снова вспомнил Архо и Люсьену, которых мысленно осуждал за их нелепые эмоциональные спектакли. Они наверняка теперь считают его врагом.

И попытаются уничтожить при первой же возможности.

Отбросив неприятные мысли, лич поинтересовался:

– Как твоя магия?

– Восстановилась немного. Если пару дней растрачивать не буду, наберется и для боя, чтобы уж вдарить – так вдарить!

– Пару спокойных дней нам никто не обеспечит. Ночей – уж точно.

– Ох, и надоедливые... – Има, морщась, потеряла скрытый тканью амулет. – Чтоб их, этих мертвяков.

Тропа почти отвесно увела на холм, в самый залитый рассветным солнцем небесный зенит. На вершине с утоптанной ровной площадки было видно, как стекающая вниз по склону дубрава разрывается надвое широкой дорогой. Но добраться до этой дороги оказалось тем еще приключением.

Склон, по которому спускались, в отличие от противоположного, обращенного к Иминому селишку, обрывался слишком круто. Видимо, когда-то злая буря обглодала его до самых каменных костей, что торчали теперь валунами и скалами меж деревьев, словно в напоминание о позабытом кактализме.

Спуск получился неторопливым, а для Браслета и вовсе тяжким. Иногда ему приходилось почти что на зад садиться, таким резким был уклон. И все же они сошли с холма без потерь.

Там, где тропа вливалась в дорогу, Моа остановился. Има тоже резко встала.

– Что это? – спросила, отследив напряженный взгляд спутника.

– Оленеголовый, похоже.

В воздушно-кружевном малиннике, действительно, лежали кости. И слишком уж сильно они были покрошены, издали почти не разобрать. Лишь в оглодках рогов, торчащих изпод листьев, угадывалось нечто знакомое.

– Пойдем взглянем?

Има, со свойственной ей восторженностью, первая ринулась опознавать останки. Моа с конем в поводу отправился следом. Он предположил верно. Разномастная мешанина костей подтверждала, что упокоился в малиннике именно многоголовый знакомец. И все же, узнать его оказалось непросто. Все черепа были расколоты, а скорее, раскусаны на мел-

кие куски. Твердые рога, что далеко не всякому хищнику по зубам, были измельчены небрежнее остального, видимо, напавшего они не интересовали.

Пока Моа прикидывал габариты того, кто так ловко разделался с их ночным врагом, неосведомленная Има бодро порылась в обломках и выудила неполную берцовую кость, на которой остались два четких следа.

– Смотри. – Округлив глаза, приложила к находке руку. Между откусами уместилось расстояние в локоть длиной. – Это что же за пасть такая тут отгрызла?

Отложив кость, девушка бросилась к остаткам пары не превращенных в труху черепов и нашла на них подобные отметины.

Лич не стал больше держать спутницу в неведении.

– Ночью кто-то оленеголового по холму гонял, и мы его почти не интересовали.

– Кто же? – Има сперва изумилась, а потом подхватила кость и принялась приставлять к следам чудовищных зубов руку то так, то эдак. – Как думаешь, в мою ладонь эти зубки будут?

Она посмотрела на лича многозначительно, и Моа без слов понял, что кроется в этом взгляде. Подтвердил догадку:

– Неведомое создание из Герцогова подвала.

– Как-то вышло, – согласилась Има. – Эх, жаль, я его из-за непроглядного мрака так и не рассмотрела. При новой встрече точно бы узнала. Интересно, кто это?

– Рано или поздно выясним, – рассудил Моа.

– Удивимся, наверное, когда увидим. Вот ты каким его представляешь?

– Никаким. Обычным.

– Обычным? – Има, кажется, даже немного расстроилась. – Не может такое создание быть обычным. Прояви же фантазию! – С этими словами она бодро вычертила что-то острым концом кости на земле. Получилась горбатая, щетинистая кракозьябра с пастью в пол собственного тела и тощим хвостиком. – Я его примерно так представляю. А ты что-то хочешь добавить к портрету?

Лич пожал плечами. Фантазия... У мертвых она за ненадобностью практически полностью отсутствует. Просто лишняя эмоция, загружающая дурацкими картинками мозг...

И все же...

– Нарисуй копыта.

Правда, это была никакая не фантазия. В наличии копыт у подвального монстра Моа не сомневался.

***

До самого вечера они двигались на юг.

За это время солнце успело взлететь в небеса из-за восточного края земли, пересечь небосвод и рассыпаться на западе ало-лиловыми всполохами вечерней зари. Дубрава сме-

нилась смешанным лесом. Благодородные буки и ясени гордо возносили над дорогой пышные кроны. Степные клены стояли, обсыпанные алыми серьгами. Надувались шарами пушистые приземистые грабы и бересклеты, еще не набравшие положенной красноты.

За день пути им не попало никакого человеческого жилья. Лишь тихий, светлый, радостный лес был кругом, и изредка кто-то из его обычных жителей пересекал путникам дорогу. Вихрем пролетел заяц. Ёж протопал, сопя и фыркая. Неспешно проползла золотистая, с мелким бисером синего крапа, веретеница.

Чем гуще ложилась ночь, тем чаще оборачивалась Има. Все высматривала, не нагоняют ли преследователи. Мертвяками и не пахло. Должно быть, путники оторвались от них на приличное расстояние.

– Вчера с вечерней зарей пришли, – поделилась тревогой девушка. – Тьма еще не пала, а мертвяки уже от Герцоговых развалин до села добрались.

– Сейчас мы хорошо от них оторвались, – успокоил ее Моа, но Има все еще сомневалась.

– Они ведь не только сами нападают, так еще и всех окрестных неупокоенных себе в компанию будят.

– С небольшого расстояния. Когда на меня оленеголовый бросился, твоя погоня уже у самого холма была. А до этого олени черепа просто кучей лежали. Кстати, не знаешь, кто и зачем их в пирамиду сложил?

– Не знаю. В наших лесах такое нечасто, но встречается. Все по-разному объясняют. Дед вот считал, что это Герцога проделки. Лайма-охотница говорила, что это лесной дух такие костяные горки складывает в тех местах, куда людям соваться не следует.

– Понятно. – Взгляд Моа упал на Имину руку. Покус от мертвяка алел вздутым полумесяцем. – Как рука?

– Болит.

– Так полечи еще.

– А магия? Она ведь пригодится.

– Не пригодится, если свалишься с заражением.

– Твоя правда, – согласилась Има, остановилась и принялась за лечение.

Все-таки живые – такие нежные существа. Даже странно, что многие из них умудрились давать жесточайший отпор мертвой армии Мортелунда. У Моа подобное всегда вызывало уважение. От мыслей, что и сам он когда-то был таким же слабым и уязвимым, собирался в душе неприятный осадок. Хотя именно слабость и уязвимость жизни к нынешнему состоянию его и привели. Как же просто быть ожившим мертвецом. И не знать прошлого, в общем-то, тоже довольно неплохо. Помнится, в начале их знакомства Има сказала, что боится узнать про своих родителей нечто плохое.

Моа не хотел узнавать подобное о себе.

Кем он был в прошлом? Боевым магом или сельским травником? Личем ведь любой чародей при случае может возро-

даться. Гораздо важнее, хорошим ли был человеком? Вдруг плохим? Убийцей? Предателем? Вором? Подлецом...

Не хотелось бы.

И все же он должен был узнать правду о прошлой, настоящей жизни.

Обязан.

Има закончила обработку раны и спросила:

– Моа, а кто она – та, что ждет нас в Кутанае?

– Ведьма. Ее зовут Засуха.

– Засуха? – Глаза девушки тут же загорелись интересом. – Ведьма? Моя бабушка тоже была кем-то вроде ведьмы...

– Ты помнишь ее?

– Нет. Она умерла почти сразу после того, как я появилась в их с дедом доме.

– А колдовать тебя кто учил?

– Сама. От бабушки книги в чулане остались. По ним я и училась. Ты только не думай, я колдунья вовсе не великая. Всего и умею – защитные круги чертить, раны лечить, да еще по мелочи. Самоучка... – И тут Иму осенило. – Может, эта твоя ведьма меня чему-нибудь полезному научит?

– Вряд ли, – усомнился Моа. – Она странная и очень-очень старая. И слышит плохо. И видит.

– А тебя зачем наняла? Зачем ей нужно, чтобы ты чудишь бил? Какая ей от этого польза?

– Никакой. Я к ней с вопросом, как выяснить свое забытое прошлое, пришел. Она сказала, что если королевскими

райсами нужную сумму наберу, то минувшее само откроется. Сказала, есть для этого два пути, честный и нечестный. Можно пойти и деньги силой взять, а можно заработать – эффект все равно один и тот же будет.

– И ты выбрал честный путь? – улыбнулась Има. – Я думаю, это был верный выбор. И нелегкий, наверное. – Она тут же нахмурилась. – Людей ведь убивать... проще, чем чудовищ?

– По-разному, – ответил лич, который встречался на поле боя и с людьми, и с чудовищами. Как среди тех, так и среди других, ему попадались поистине могучие противники.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.